

КЛУБ ПОТЕРЯННЫХ НАДЕЖД

Рассказ

Мы с Аней шли по сырому безлюдному тротуару вдоль бетонного забора, как вдруг из приоткрытых железных ворот послышался шум толпы и какие-то крики. Мы насторожились и решили аккуратно пройти мимо. Из любопытства я бросил взгляд в проём железных ворот и увидел, что между старых гаражей по кругу стояли десяток деревянных стульев. На каждом сидел человек. В центре круга рыжеволосая девушка отплясывала какой-то нелепый дикий танец, а люди на стульях хлопали, гудели, гремели всем, чем могли. Глаза рыжей незнакомки устремились в мою сторону, от неожиданности я встал как вкопанный. Она бросилась к воротам и уставилась прямо на меня.

– Хотите к нам? – весело, пытаюсь отдышаться, спросила она.

– К вам? – недоумевал я.

– Да. У нас тут клуб потерянных надежд.

«У вас тут что?» – промелькнуло у меня в голове, но незнакомка уже тащила меня за рукав.

Махнув Ане рукой, чтобы та не стояла «на пороге», она втащила меня в самый центр круга, где ещё минуту назад сама отплясывала свой странный и неуклюжий танец. Аня сделала несколько неуверенных шагов и зашла вслед за нами. Незнакомка спросила:

– Ты мечтал стать кем-нибудь?

В рамках X Всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия» в Центре писателя В. И. Белова (Вологда) прошёл семинар молодых литераторов. Среди экспертов был и автор журнала «Дон» Алексей Небыков, который отобрал и предложил для публикации на донских страницах произведения Ирины Дюгаевой, Романа Разживина и Элины Черневой.

Человек десять пристально смотрели на меня. Я секунды три медлил с ответом, и рассматривал этих, пока ещё, странных для меня людей. Осознав, что за мой ответ мне, скорее всего, ничего не грозит, я ответил:

– Рок-звездой. – Это было неожиданно даже для меня, но я вспомнил, как в молодости играл в группах, и как мечтали мы выступать на огромных сценах. Но кто ж об этом тогда не мечтал? Мне не стыдно было в этом признаться.

Толпа загудела, я вздрогнул, Аня попятилась к воротам. Со всех сторон мне кричали: «Круто! Давай! Жги, рок-звезда! Йи-ху-у-у». Но я стоял и не понимал, что нужно делать. Сквозь шум толпы рыжая незнакомка крикнула мне: «Исполни что-нибудь!» – исполнить что-нибудь? Они в своем уме? Я развёл руки в стороны и крикнул в ответ: «Но как?!» – но она уже неистовствовала вместе с толпой, прыгала и кричала мне: «Давай же! Исполни! Они твои фанаты! Не заставляй их долго ждать!»

Нужно было что-то делать. Я изобразил, что держу в руках гитару, толпа заревела ещё сильнее. Они подскочили со своих мест и встали за стульями, которые отгораживали меня-звезду от них-фанатов, как на настоящей сцене. Это был шанс удрать. Аня держалась всё ближе к воротам, а я держал её в поле зрения. Под неистовый гул толпы мы переглянулись, я увидел в её взгляде тревогу. Я вновь посмотрел на своих «фанатов»: среди них были и силачи, и дохляки, но злить такое количество людей – безумие. Я решил действовать, поставив в цель наше спасение. Я стал изображать, что играю на гитаре, представляя в голове гитарный рифф из «Энтер Сандман» Металлики. С ритмом и гитарами у меня всегда был полный порядок несмотря на то, что к своим тридцати трём годам я забросил музыку, даже как хобби. Я стал озвучивать голосом ту самую мелодию, которая взрывала стадионы. «Фанаты» присели на корточки и на самом взрывном моменте вскочили, как подорванные, и начали прыгать, бросая вверх «козы». Это было дикое, но притягивающее зрелище. Я всё больше входил в раж, становилось жарко. Я поставил одну ногу на стул, как это делают настоящие гитаристы, и качался в такт музыке, которая даже не звучала. Толпа качалась вместе со мной и подпевала, что есть мочи. У нас была общая музыка, которую мы чувствовали. «Фанаты» продолжали прыгать, трясти головами, подпевать, выкрикивать слова песни. А я выжимал

из воображаемой гитары всё, что мог. Сногсшибательный «соляк» повалил их на землю, они упали, ещё слабо подвывая мелодию. Песня кончилась, я аккуратно поставил «гитару», прислонив её к ближайшему стулу, и стоял в полнейшем недоумении, пытаясь отдышаться.

«Что это было?» – спросил я рыжую незнакомку, которая медленно и наигранно аплодировала, приближаясь ко мне. «Ты только что исполнил мечту» – ответила она мне. Оба запыхавшиеся мы присели на стулья, Аня стояла уже ближе ко мне. Я видел, что она улыбается, но жутко стесняется подойти. Незнакомка указала рукой на «фанатов», похлопывающих друг друга по плечу в знак уважения за то, что ещё так молоды душой, и сказала:

– Это Джек, Кристофер, Николь, Джеффри... а я Скарлетт, – Она перечислила всех, каждому я кивал, но запомнил только нескольких.

– Но это же не настоящие ваши имена? – спросил я.

– Конечно! – ответила, смеясь, Скарлетт, – мы здесь те, кем когда-то хотели стать, но не стали. Я, например, танцовщица.

– Да, я видел, классно танцуешь, – соврал я.

– Да нет же! Ты не понял. Я знаю, что танцовщица я хреновая, но в этом и смысл, понимаешь?

Я продолжал разглядывать их. Это были вполне приличные люди в нормальной одежде, без алкоголя или чего-то такого. Все были разного возраста: две девушки лет тридцати, мужчины от тридцати до сорока лет. Паре человек я бы точно дал больше пятидесяти. Простые мужики, которые пьют пиво по вечерам или впиваются взглядом в телевизор, утопая в диване. Они были обычными людьми, которые воплощают свои несбывшиеся мечты в реальность. Я невольно улыбнулся, разве можно такое представить? Однако мне всё ещё не верилось, я спросил Скарлетт:

– Но для чего вам всё это?..

– А сам ты ещё не понял?

– В каком смысле?

– Эй, чувак! – крикнула она мне в лицо, – ты только что забабахал нам Энтер Сандман. Что ты чувствовал при этом?

Я задумался на мгновение... а ведь и правда.

– Истинный кайф. Будто я отыграл целый концерт, – ответил я.

– Вот и-и-именно! – с улыбкой протянула Скарлетт, ткнув меня пальцем в грудь.

– Как в бойцовском клубе что ли?

– Только бить никого не надо, – добавил Николь или Джеффри.

– Точнее, как в клубе потерянных надежд! – ответила, смеясь, Скарлетт и продолжила, – а самое главное знаешь что?

– Что? – спросил я.

– Мы не обманываем себя, а просто пару часов верим друг другу. Просто верим и всё.

Толпа вновь загудела. Аня уже не боялась и села рядом. Внутри этого круга из стульев был создан свой мир, от которого веяло теплом, как от очага. «Мы просто пару часов верим друг другу...» – крутилось у меня в голове. Мы пробыли у них ещё немного и посмотрели на безобразную актёрскую игру Николя, на паршивое пение Джеффри, но... мы улыбались, и все улыбались. Мы хлопали каждому и верили. Верили так же искренно, как верил сам человек, находившийся в круге. Боже мой, да ведь и я был в круге... И не важно, что они исполняли. Было важно лишь верить.

Через полчаса мы с Аней пошли дальше. Вынырнув из-за серого бетонного забора, мы ощутили какую-то душевную сырость, словно отсоединились от чего-то. Волшебство исчезло, но где-то оно ещё жило. Аня взяла меня за руку так крепко, как никогда не брала. Я взглянул ей в глаза и ощутил что-то космическое, на грани единения со всем человечеством. Я видел любовь, я видел волшебство. Не успел я сказать хоть что-нибудь, как она заговорила первой:

– Знаешь, я тебя таким давно не видела. – Она улыбалась, даже слезинки поблёскивали на её ресницах.

– Каким? – спросил я. У меня захватывало дух.

– Таким... раскрепощённым, счастливым.

Мы улыбались друг другу, держась за руки. Накрапывал дождь, а, может, мокрый снег – нам было не важно. Спустя минуту она продолжила:

– Только обещай, что не будешь менять своё имя на американское.

– Не буду, Анька, – рассмеялся я, – не буду!

– Мне нравится, когда ты... настоящий.

ВАЛЕРИК

Рассказ

Взгляд Валерика не мог сфокусироваться на чём-то одном: кресла, коридор, длинная ковровая дорожка, любимый магнитофон в свободной руке – сейчас не играет. Сказочные узоры на стенах, стеклянные шкафы с книгами – всё интересно, на всё хочется взглянуть.

– Придурок! Дурачьё, ох, детина... – отдавалось эхом по коридору санатория, – давай иди, ну!

Грузный Валерик то и дело спотыкался, бабушка тянула его за руку, а навстречу бежали две радостные девочки.

– Валерик, Валерик! – кричала девочка с слабо заплетённой косичкой, – кушать идёшь?

– Аг, аг! – улыбался Валерик, поднимая вверх магнитофон.

– Да опусти ты! Ох, дурачьё, – сквозь зубы говорила бабушка, – девчонки чего вам? Иди кому говорю.

Девочки вприпрыжку вились вокруг бабушки и Валерика, смеялись и что-то напевали.

– Кушать, кушать и гулять! Кушать, кушать и гулять! – пропела девочка с рюкзачком-медвежонком.

– Куш, куш, гуля. Куш, куш, гуля! – вторил ей басом Валерик.

– Да будет вам гулять, после еды. Дверь подержите!

Девочки радостно распахнули дверь столовой, в коридор ворвался запах овсянки и звон столовых приборов.

– Ох, детина... – бабушка потянула Валерика к умывальнику, а девочки побежали к выходу во двор.

Всё улыбалось Валерику: и пёстрые скатерти на столах, и золотой луч, застрявший в стекле солонки, и мушка, севшая на зеркало над умывальником. Струя воды занимала Валерика меньше всего, он уже искал глазами магнитофон.

– Давай, садись, пока людей мало, – сказала бабушка, обтирая Валерику ладони.

– Музыка! Музыка! – забеспокоился Валерик.

– Да будет тебе музыка, ох, детина, – нагнулась бабушка за оставленным под раковиной магнитофоном.

Валерик прижал к груди магнитофон и сел на ближайший стул. Бабушка, тяжело вздохнув, пошла за кашей и бутербродами. Приятный сквозняк трепал чёрные отросшие кудри Валерика, ковёр на полу так мягко давил на подошвы, что

хотелось покрепче вжать в него ноги, на всё пространство столовой звонко разлетелась музыка.

– Ох, дурачьё! Простите ради бога, – бабушка, уронив на пол бутерброд, спешила к внуку.

– Детина! Что говорила тебе?! – выхватила она из рук Валерика магнитофон.

– Музка, ба! Музка, ба! – покачивался Валерик на стуле в такт песне.

– Ух! – бабушка трясла магнитофон в руках и искала нужную кнопку. – Ух, я тебе!

Притихший магнитофон оказался через стол от Валерика, а бабушка пошла к упавшему бутерброду, чтобы убрать за собой, но его уже не было. Валерик пристально глядел на мусорный бак в конце раздачи.

– Ешь давай, – вернулась бабушка с кашей и новым бутербродом, – ложку бери, ох, детина.

Валерик ел вяло, пристально глядя на другой стол.

– Музка, ба, – угрюмо произнёс он.

– Ишь! Ешь, – злобно взглянула бабушка.

Валерик поковырялся в каше, съел бутерброд и стал смотреть на старую потрескавшуюся оконную раму. Бабушка встала.

– Держи свою музыку! – сунула она магнитофон Валерику в руки.

– Музка, музка! – вскочил он с места и прижал магнитофон к груди.

– Иди давай.

Пока бабушка убирала посуду, Валерик подошёл к выходу из столовой. Он, слегка сгорбившись, встал напротив двери и без интереса на неё глядел. Дважды поднимал руку, чтобы взяться за ручку, но каждый раз, покачав головой, опускал.

– Дурачьё! – дёрнула бабушка за дверную ручку и подтолкнула Валерика.

Сытый Валерик сидел на любимой скамейке-качалке в уютном дворе санатория. Солнце заботливо грело, сосновый запах сливался с жизнью, подвижная травушка щекотала непослушный взгляд Валерика и отвлекала от щебетания девочек.

– Валерик! А сколько тебе лет? – задорно спрашивала девчушка с распустившейся косичкой.

– Два... два! Ага... двадцать... ага... пять! – отвечал весело Валерик, держа на коленях магнитофон.

– Настя, ты вчера спрашивала! – сказала девочка с рюкзаком-медвежонком. – Валерик, а кем ты хочешь быть?

– Музка! Музка! – поднял Валерик магнитофон, поглядывая на задремавшую на солнце бабушку, сидящую поодаль. – Одна, одна!

– Певцом? – спросила Настя.

– Ты одна! Одна! – повторил он, радостно кивая.

– Ух ты! Валерик, а спой нам! – просили девочки наперебой и, переглядываясь, улыбались.

Валерик, глядя на всё, улыбался в ответ. Он нажал на кнопку магнитофона, и полилась песня. Валерик с открытым ртом стал качаться на скамейке и мычать мелодию: «У-у-у! У-у-у!», а девочки принялись перепрыгивать с ноги на ногу, резво смеясь и напевая что-то своё.

– Света, на речку! – воскликнула Настя сквозь музыку. – Валерик, ты с нами?

Девочки побежали в сторону тропинки возле главного корпуса санатория, Валерик неуклюже вскочил со скамейки, успев нажать на кнопку магнитофона, и поспешил за ними. За зданием санатория ручей изящным изгибом касался травянистого берега и ускользал в сторону далёкого леса.

– Рыбка, рыбка! – взбежав на горбатый деревянный мостик, кричала Настя.

– Какая рыбка, ну! Их тут нет, – отвечала Света.

Валерик размашисто топал по высокой траве, минуя тропинку, и угодил в жидкую грязь. Испугавшись, он топтался на месте, пачкая кроссовки. «Валерик, Валерик!» – кричали девочки, указывая на тропинку, но Валерик не смотрел на них.

– Что там? Змея? Змея? – прозвучал в стороне встревоженный женский голос.

– Где?

– Да вон, парень прыгает!

Две женщины на бережке поспешно складывали покрывала. Пошатнувшись, Валерик уронил магнитофон и сам рухнул в траву. Неловко вскочив, он допрыгал широкими шагами до тропинки и с ужасом взглянул на грязные кроссовки.

– Ба! Ба! – беспокойно повторял он и стучал носком по пятке.

Девочки подбежали к нему, когда он остался в одной кроссовке. Он поспешно сдёрнул вторую и, схватив их в руки, быстрым взмахом запустил на середину ручья. Замешательство отразилось на лицах Насти и Светы, умиротворение и улыбка появились на широком

лице Валерика. Но он опустил взгляд, и спокойствие растаяло. Носки были покрыты грязью. Валерик быстро стащил и их.

– Хватай! – крикнула Настя и повисла на мощной руке Валерика.

Света схватила другую руку. Через секунду девочки сидели на земле, а носки, долетев до воды, уже мирно покачивались на слабых волнах от падения кроссовок. Босой Валерик улыбался во весь рот, глядя на сидящих на земле девочек.

– Дурак! Ох, детина, да чтоб тебя! – раздалось со стороны главного корпуса. Бабушка спешила к бережку, за спиной Валерика уже сверкали девчачьи пятки. Разведя руки в стороны, словно для объятий, Валерик стоял и улыбался бабушке.

– Придурок! Сколько можно!

– Ба! Ба! – радостно повторял Валерик.

– А ну... – запыхавшись подходила бабушка, – быстро! На секунду не оставить. Это что... Бабушка увидела покачивающиеся на середине ручья кроссовки и перевела взгляд на босые ноги Валерика.

– Дубина! Да как ты мог... – чуть не заплакав произнесла бабушка.

– Грязные, грязные, – махал руками Валерик, – ай! Ай!

Бабушка хлестнула Валерика полотенцем.

– Да что ж ты со мной творишь!

– Ай! Ба! Ба...

– Да вот ты где уже мне!

Она схватила Валерика за руку и потащила за собой по тропинке.

– Больно, ба! Больно! – переступал босыми ногами по острым камешкам Валерик.

– А мне думаешь... – бабушка резко остановилась, – мне, думаешь, не больно? – и с новой силой потащила Валерика за собой.

– Музка, музка!

– Да плевать я на неё хотела!

– Музка! – срывающимся голосом ревел Валерик.

– Вот так теперь и будешь ходить! Так и будешь, детина.

Валерик сидел в мягком кресле возле стеклянных шкафов и вжимал босые ноги в ворс ковра. Взгляд его сфокусировался на одной точке, никуда не двигаясь. Коридор наполнился вечерним спокойствием, полумрак был разбавлен слабым светом из открытой двери номера.

– Ба... ба... музка, – шептал, покачиваясь, Валерик, – ба... ба... музка.

– Так, а пошто они вам его? – услышался мужской голос из открытой двери.

– Оставили-то? Да двадцать лет назад ещё, – ответила бабушка, махнув рукой в сторону коридора, где в полутьме могла видеть волосатые ноги внука, – поняли какой он и смотались, а мне чего делать?

До Валерика долетал еле слышный звон стаканов. Иногда он поглядывал украдкой на подол бабушкиной юбки, но тут же отводил глаза.

– Всю кровь мне выпил, а куда деваться? Ох, детина, да.

– Ба... ба... музка, – покачивался Валерик и резко посмотрел налево.

– Представляешь, целая змея в траве! Ленка рассказала, – прошли две подруги по коридору, одна недоверчиво взглянула в открытую дверь, откуда шёл свет.

– Ой, аккуратнее надо, – ответила другая, удивлённо взглянув на Валерика, сидящего в кресле.

Бабушка встала и закрыла дверь номера. Валерик тут же поднялся с кресла и направился туда, откуда только что вышли подруги. Остановившись возле двери, он немного потоптался на месте и дважды потянулся к ручке. Буркнув что-то под нос, он резко развернулся и вновь оказался у кресла. Валерик беспокойно глядел во тьму позднего вечера за окном, едва различая макушки тонких сосен, слившихся с небом. В открытую форточку потянуло прохладой, Валерик поднял глаза.

– Музка, музка, – прошептал он и, неуклюже переступая ногами, встал на мягкое кресло. Шатаясь, Валерик крепко схватился за открытую створку форточки и нашёл равновесие.

– Ба, музка, – прошептал он, услышав хохот бабушки за закрытой дверью номера.

Валерик встал одной ногой на подоконник и постоял так минуту, затем подтянул вторую ногу и попытался просунуть голову в форточку.

– Музка! – крикнул наружу Валерик и, тяжело дыша, вслушался в тишину, – музка! – крикнул он снова и надавил на стекло.

Дерево рамы треснуло.

– Ба! Ба! – взревел Валерик, полетев вниз вместе с оконной рамой.

Звон осколков всполошил, наверное, всех постояльцев, Валерик вскочил с земли и, загудев словно бык, рванул вперёд во тьму. Он чувствовал, как руки и лицо наполняются чем-то жгучим, далеко за спиной слышал чьи-то крики. Он плутал среди сосен и, теряя силы, всё тяжелей дышал. Упав возле скамейки, он немного отдохнул, встал и пошёл вновь.

– Ба, ба... – беспокойно повторял Валерик, едва волоча ноги.

Идти стало трудно, тело тяжелело, добравшись до мягкой высокой травы, Валерик упал и перевернулся на спину.

Тихое журчание ручейка ласкало слух Валерика, приятная теплота мягко струилась по лицу и рукам, прохладная трава давала отдых, лишь жжение во всём теле надоедало ему, как назойливый комар. Валерик шевельнул рукой и наткнулся на магнитофон.

– Музыка, – едва произнёс он и нащупал любимую кнопку.

Заиграла песня. Валерик расплылся в улыбке и закрыл глаза.

Он видел всё. Он был спокоен. Ему приснились мама и папа. Внешнее жжение стало внутренним огнём, к которому потянулась его душа, словно мотылёк. На полпути к этому огню из сна его вырвал родной голос.

– Валера, господи! – бабушка стояла перед Валериком на коленях. – Что же ты...

– Ба! – встрепенулся Валерик. – Ба! Ты одна, ба! Ты у меня одна!

У бабушки задрожал голос.

– Валерик, господи, Валерик мой.

– Ты у меня одна, ба! Ты у меня одна, – Валерик трясся от ночного холода.

– И ты у меня один, Валерик мой, ты ж весь... – бабушка разрыдалась и прижала внука к сердцу, – порезался... родной мой. Прости меня, прости.

Бабушка взяла магнитофон в руку и выключила его. Тяжело поднявшись на скользкой траве, она помогла встать Валерику. Он припал к ней на плечо и заплакал. Бабушка приглаживала его отросшие кудри и разглядывала в слабом лунном свете порезы на лице. «Ох, дитя моё, Валерик, ох, дитя...» – слышалось в ту ночь с тропинки возле санатория. «Ты у меня одна... ты у меня одна, ба» – слышалось в ответ.

г. Санкт-Петербург